

Кошелев, В.С. Многообразие политического ислама. / В.С. Кошелев // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15-16 апр. 2004 г. / редкол.: В.Н. Сидорцов (отв. ред.) и др. – Мн.: БГУ, 2004. – С. 292-294.

В. С. КОШЕЛЕВ
Республика Беларусь, г. Минск

МНОГООБРАЗИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА

В последние десятилетия всплеск политического ислама привлек пристальное внимание политиков средств массовой информации и всего научного сообщества. Этот религиозно-политический феномен получил в мировой историографии различные названия и

292

интерпретации. Исламский фундаментализм, интегрзм, воинствующий ислам, политический ислам – только некоторые из них. Наиболее приемлемым и корректным, с нашей точки зрения, является понятие «политический ислам», весьма перспективным – термин «исламизм» («исламистские движения»).

Несмотря на споры относительно дефиниций явления и их идентичности, совершенно очевидным представляется то, что общий курс исламских движений все более учитывается во внутренней и внешней политике различных государств, в решении проблем международной безопасности. Важнейшим рубежом в истории политического ислама стала исламская революция в Иране, в результате которой была свергнута прозападная монархическая власть и создана первая в современной истории теократическая исламская республика. Следующее знаковое событие произошло в виде террористической атаки на США 11 сентября 2001 г. Мир впервые столь масштабно и зримо узнал террористический облик исламизма. Сеть организаций, наподобие аль-Каиды, представляют серьезную угрозу США, другим западным странам, правительствам мусульманских стран и простым мусульманам, желающим мирной жизни. Всем ясно, что террористические группы должны быть отслежены, а их члены привлечены к суду.

Гораздо менее ясно, как мировая общественность должна относиться к другому лику исламистского движения – ненасильственному. Эта сторона представлена политическими движениями, которые основываются на исламских принципах, но заявляют, что своих целей они хотят достичь мирными средствами, в демократической борьбе с неисламскими политическими партиями. Эта часть исламистского движения часто игнорируется, но она очень важна. Победа на выборах в Турции в ноябре 2002 г. Партии справедливости и развития является знаком растущей значимости этого лика политического ислама. Таковым является и открытый отказ от насилия одного из наиболее важных и радикальных египетских исламистских движений.

Можно ли верить заявлениям этих движений о ненасилии? Можно ли принимать их как законных участников демократической политики? Или они лишь хотят победить на демократическом поле и затем установить политическую систему, отрицающую демократию и права человека? Другими словами, используют ли они демократию из тактических соображений, или действительно желают принять ее?

На эти вопросы нельзя дать однозначный и адекватный для всех ответ. Но отвечать необходимо по мере эволюции и изменений, происходящих в исламистских движениях, и с учетом растущей значимости другого, ненасильственного лика исламизма. Несмотря на это, в мировой историографии весьма устойчивой является тенденция идентифицировать политический ислам исключительно с Усамой бен Ладеном и мусульманскими организациями, использующими насильственные методы борьбы, как это происходит, например, в Чечне, Кашмире, Египте или в Алжире.

Едва ли не единственное, что безоговорочно объединяет всех исламистов, так это их приверженность исламским принципам, на которых должна основываться политическая система в мусульманских странах. Во всем остальном приходится констатировать немалые различия. И прежде всего в том, что большинство исламистов на современном этапе практически отвергло насилие как средство политической борьбы и стремится осуществить политические перемены легальными методами. Таким образом, в политическом исламе следует четко различать как радикальное меньшинство, оправдывающее насилие, так и умеренное большинство, стремящееся к интеграции в политическую систему своих стран легальным путем.

Есть все основания считать, что политический ислам сохранится и может усилиться в обозримом будущем в качестве важной политической силы. Противоположные заявления некоторых аналитиков следует признать недостаточно убедительными. В частности, весьма расхожим является их утверждение, что политический ислам не смог выстроиться

293

платформу действенной публичной политики. Но никто из них не считает, что исламистское движение в своих странах не имеет значения. Действительно, когда исламистские организации участвуют в демократическом политическом процессе, они весьма успешны. Исламистские партии получили заметный электоральный успех в Алжире, Египте, Индонезии, Иордане, Кувейте, Ливане, Малайзии, Пакистане, Турции и Йемене. В Турции на последних парламентских выборах 4 ноября 2002 г. исламисты получили 34 % голосов и стали крупнейшей партией в Национальном собрании. Они смогли сформировать правительство, состоящее исключительно из членов их партии, что для Турции необычно – в последнее время все турецкие правительства были коалиционными. Можно привести также примеры электоральных успехов исламистов в Алжире, Иордании и Египте. Конечно же, придя к власти, исламистские партии не смогли сформулировать дееспособную альтернативную программу экономического, социального, политического и интеллектуального развития, но они остаются серьезными соперниками для официальных властей в большинстве арабских и мусульманских стран.

Если мусульманские, и прежде всего арабские, страны хотят перейти к политической демократии, то исламистские организации должны быть интегрированы в их систему власти. Долгое время арабские режимы использовали различные репрессивные меры против исламистов. Если правительства продолжают ограничивать права исламистов, то большое число граждан будет лишено своих представителей. Сторонники исламизма сохраняют недоверие к демократии и будут считать, что лишь вооруженная борьба может принести политические перемены. Опыт Египта показывает, что политическая свобода сама по себе способна сделать исламистов более разумными, в то время как жесткая политика лишь стимулирует акции возмездия.

Так или иначе, исламистские организации и движения невозможно сбросить со счетов. После 11 сентября 2001 г. мировое мнение очень настороженно относится ко всем исламистам, но если западные страны действительно так привержены демократическим принципам, как они это постоянно заявляют, то они должны принимать все последствия демократического процесса и прекратить оказывать давление на мусульманские правительства с целью недопущения исламистов в мирный политический процесс.

Необходимо четко разграничивать исламистов, ориентирующихся на плюралистический политический процесс и на насилие. Использование стандартного ярлыка террористов в отношении всех исламистов неоправданно по двум причинам: во-первых, оно ничем не обосновано. Во-вторых, это лишь увеличит недовольство Западом в мусульманских странах и сыграет на руку экстремистскому меньшинству, борющемуся и с Западом, и со своим собственным правительством и народом.

Обвинения против более радикальных исламистов являются серьезными и опасения оправданными, но что касается умеренных исламистов, то все не так ясно. Их организации привержены мирному демократическому процессу. Вопрос заключается в следующем: является ли это вовлечение в демократический процесс истинным или это лишь прикрытие воинствующих групп и тактика для победы на выборах и уничтожения демократии.